

«Древняя трагедия разыгрывалась в идеальном мире» – сообщает нам Кольридж [2. С.244]. Однако из этого, идеального мира она позволяла вынести некоторое знание, востребованное в том действительном мире, к которому принадлежали ее авторы, актеры, зрители. В данном случае из осколков мифа и собственной жизни Софоклу удастся синтезировать некое новое знание о новой личностной идентичности. О той идентичности, что будучи вынесена за пределы человеческого самим временем, оставалось доселе незамеченным. Софокл же не только находит у старости черты, позволяющие человеку жить дальше, но и описывает процесс искусственного, преждевременного старения. Это нанесение себе увечий, делающих мужа – калекой, провоцирующие ранний отказ от супружества и отцовства (сыновья Эдипа уже окрепли, но дочери еще не замужем и нуждаются в заботе). Для культуры, не знавшей монашества, уверенная рука Софокла вычерчивает основные грани возможной модели человеческого жизнепрживания, а не жизнедоживания. Софокл показывает и то, что для старчества более важен отказ от супружества, а также всего проходящего, бренного, земного, чем физическое старение, отрывающее мужчину от этих жизненных оснований. Подобная весть, только не в литературной, а в религиозной обработке была озвучена на Востоке его современником, Буддой.

Литература

1. Боннар А. Греческая цивилизация: В 3 т. Т.2. От Антигоны до Сократа. М., 1992.
2. Кольридж С.Т. Происхождение драмы // Кольридж С.Т. Избранные труды. М., 1987.
3. Софокл Эдип-царь / Пер. с древнегреч. С.В. Шервинского.
4. Софокл Эдип в Колоне / Пер. с древнегреч. С. В. Шервинского.

В.И. МЕЛЬНИК

г. Екатеринбург

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ КАК МЕРА ИНДЕНТИФИКАЦИИ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Цивилизованность общества во многом зависит от цивилизованности его представителей, а также природных, материальных и духовных условий реализации и развития их жизнедеятельности. Не менее важны в повышении цивилизованности общества политические, юридические и моральные формы его организации. От степени цивилизованности/нецивилизованности их практической реализации существенно зависит качество жизни и поведения людей.

Цивилизованность есть мера оценки состояния и качества реализации этих форм как форм регуляции взаимоотношений людей с целью создания и получения всей системы общественных условий своего бытия и развития. Мерность цивилизованности по отношению к этим формам состоит в выявлении их *возможностей в наиболее эффективной организации отношений и действий* людей во благо себе и обществу. С точки зрения Р.Дж. Коллингвуда, «цивилизованное общество это то, в котором каждый его член зарабатывает на жизнь, не паразитируя на обеднении других... Это общество, в котором судьей в человеческих делах как между отдельными людьми, так и между группами является не насилие, но согласие. Это условие подразумевает два других. В его юридических и политических аспектах мир означает закон и порядок: замену насилия "упорядоченным" поведением согласно правилам, принятым всеми заинтересованными лицами. В экономическом аспекте мир означает процветание»¹.

Здесь, конечно, дан идеал цивилизованного общества. Но формы оценки его цивилизованности выражены верно. Взаимоотношение индивидов и общества приобретает цивилизованный характер прежде всего на основе всеобщего труда людей и справедливого распределения произведенных общественных благ. Это несет индивидам, обществу свободу. Вместе с тем известно, что люди не равны по своим способностям, да и общественный труд разделяется на разные способы своей технико-технологической, профессионально-квалификационной и социальной реализации. Отсюда возникают разные возможности и средства реализации и развития самих индивидов и предоставления им этих возможностей и условий обществом. В этом случае соотношение индивидуального и общественного носит чаще всего характер противоречий, разрешаемых посредством определенных, исторически созданных моральных, правовых и политических форм. Состояние этих форм раскрывает *соотношение в них формально-зафиксированной регулятивной нормативности и реально осуществляемой ими пользы в деле организации и гармонизации индивидуальной и общественной жизнедеятельности людей.*

Это соотношение не всегда улавливается повседневным общественным сознанием, буквально отождествляющим

¹ Collingwood R.J. Essays in Political Philosophy. Oxford, 1989. P.224.

цивизованность с этими формами. По этому поводу можно сказать только то, что эти формы фиксируются в языковых понятиях, *но их реализация в жизни и поведении людей далека от их смысловой значимости и требуемой эффективности.* Возникнув из требований непосредственной жизнедеятельности людей, формализовавшись в определенные нормы, они настолько могут оцениваться как цивилизованные, насколько реализуются не на словах, а на деле, с одной стороны, и насколько способствуют воплощению в жизнь и поведение людей гармонического соотношения свободы и ответственности этих людей, с другой. Эти формы самодостаточны, они есть прежде всего практические формы осуществления и повышения цивилизованности, людей, общества, но именно только формы, а не сама цивилизованность, смысл и мерное значение которой, порой, пытаются увидеть в нравственных, моральных или правовых формах и нормах.

На наш взгляд, нужны существенные уточнения. Дело в том, что, выполняя почти одинаковую регулятивную функцию, нравственные, моральные и правовые нормы неодинаковы по своей значимости для отношений жизнедеятельности людей. Нравственные и моральные нормы есть исторически исходные нормативные меры регуляции межличностного взаимодействия. Ключевой мерой нравственности является совесть, выражаемая в чувствах долга, чести, справедливости и т.д. Моральная нормативность в наибольшей степени проявляется в реализации действий и отношений, несущих добро или зло людям, обществу. Нравственность и мораль – это системы социально-психологической нормативности, составляющей ядро духовной культуры индивидов. Регулятивная роль этих систем связана с чувственной и духовной сторонами жизни людей, их самосознанием. Они призваны удерживать людей в их действиях и поведении в определенных границах сохранения, воспроизводства и развития человеческого в человеке, а потому имеют существенное гуманистически созидательное и защитное назначение. Однако они не несут в себе законосообразной обязательности, несоблюдение их сопровождается только эмоционально-психологическими оценками и общественными осуждениями. В древности эти нормы выражались в табуированной форме родоплеменных традиций и обрядов, но с течением времени в условиях рабовладения приобрели правовой законодательный характер.

Степень социально-гуманистической эффективности морали состоит в диалектике соотношения свободы и ответственности как ключевых

признаков организационного действия её норм. Именно соотношение свободы и ответственности является исходным источником противоречий между индивидами, а также ими и обществом. Моральные нормы добра и зла, справедливости и несправедливости, долга, чести и т.д. выступают формами регуляции и оценки действий людей через понимание или непонимание ими взаимозависимости личной свободы и в то же время ответственности перед другими людьми, обществом в целом.

В общественной жизни людей не может быть свободы без ответственности, но и преобладание ответственности может ограничивать свободу. Поэтому цивилизованность всех регулятивных форм организации общества состоит в *гармоническом сочетании свободы и ответственности* не только в сознании, но и в действиях, реальных поступках людей. Моральные нормы как раз и предполагают социальную ответственность или постоянный учет как своих личных интересов, так и интересов других людей. Этот учет социальной взаимозависимости направленности своих интересов и действий и подобных же интересов и действий других людей несет всем истинную свободу бытия и взаиморазвития.

Формирование ответственности – не самопроизвольный процесс, а результат общественных отношений людей, воспитания у них соответствующего чувства и понимания. На стороне личности она формируется через осознание норм нравственности, на стороне общества – норм морали, юридического права, экономических и политических регламентаций. Нормы могут соблюдаться или не соблюдаться людьми. Нарушение ответственности влечет за собой общественное порицание или наказание вплоть до лишения свободы.

Мораль и политика выступают наиболее показательными условиями ответственного или безответственного решения общественных проблем, прогресса или регресса общества. Имея в виду под политикой форму социальной регуляции жизни общества государством, следует сказать, что она и мораль играют большую роль в решении общественных проблем не сами по себе в отдельности, а во взаимосвязи, которая, однако, разными авторами рассматривается по-разному. Еще Н.Макиавелли противопоставлял политику и мораль, заявляя, что "для спасения государства не следует останавливаться ни перед какими соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости..."¹.

¹ Макиавелли Н. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1969. С.490.

Требования «абсолютной» морали, по мнению современных западных исследователей, не могут быть осуществлены в области «благоразумной политики», которая вынуждена постоянно нарушать моральные нормы².

Мораль, не включаемая в решение практических жизненных проблем общества, его политического устройства, также может вызывать сомнения в её действенности как средства формирования ответственности, а следовательно, повышения цивилизованности. Мораль, направленная на «совершенствование в добродетелях» не может не быть путем решения общественных и государственных проблем. Б. Кроче, отмечавший, что центр общественной жизни может находиться лишь в области морали, в сфере нравственного совершенствования человечества, либеральных ценностей, писал: «Государство есть элементарная узкая форма практической жизни, из каждой её части моральная жизнь проступает и бьет через край, разливаясь обильными, продуктивными потоками, настолько продуктивными, что они в состоянии вечно создавать и воссоздавать самую практическую жизнь и государство»¹. Другой известный философ Д. Дьюи также считал решающим фактором общественного развития нравы людей, определяемые субъективным мнением отдельной личности².

Превалирование морали над политикой, которая «была и до скончания веков остается, – по мнению Е. де Роберти, – простой слугой, покорной рабыней самодержавной нравственности»³, получает отрицательную оценку в марксистской философии. Разоблачая политико-этические буржуазные теории, философы-марксисты показали, что переустройство социального организма разрешается только политическими средствами, а не стремлениями к достижению каких-то аморфных моральных идеалов. Эта традиция идет, кстати, от критики классиками марксизма этики И. Канта, «который успокоился на одной лишь доброй воле, даже если она остается совершенно безрезультатной...»⁴. В.И. Ленин требовал «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных

² См.: Дробницкий О.Г., Кузьмина Т.А. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967. С.52.

¹ Макаровский А. О книге Кроче «Политика и мораль»//Большевик. 1946. № 17-18. С.90.

² См.: Dewey J. Theory of Valuation. Chicago. 1939. P.49-52.

³ Роберти Е. де. Мораль и политика//Лекции по общественной этике. СПб. 1905. С.116.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.182.

классов»⁵, видеть борьбу классов, которая в условиях антагонистического общества является самым высшим средством установления справедливости.

Классики марксизма постоянно обращали внимание на зависимость морали и политики от исторических условий, изменения социальной структуры общества на различных этапах его развития. Этот взгляд на природу морали и политики можно признать верным, если он не был бы связан с другим взглядом, а именно: превалированием политики над моралью. Политика, признаваемая в качестве регулятора нравственной жизни, должна трансформировать вневременный идеал в программу исторического действия пролетариата. Отсюда второстепенное и даже излишнее значение морали как самоцельной нормативности регулирования общественной жизни.

Более правильным, на наш взгляд, является все же диалектическое соотношение морали и политики, поскольку последняя без морали теряет свой человеческий цивилизованный характер, а мораль без политики и закона, по словам К.Гельвеция, есть «пустая наука»¹. Взаимодействие морали и политики, по мнению О. Конта, есть лучший способ решения общественных проблем. Он подчеркивал, что моральные идеи не только воздействуют на мир, но и «переворачивают» его. Высшей нормой оценки социальных форм является «любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель»². «Моральное возрождение», по его словам, – «основа человеческого прогресса, более важная, чем экономическое и политическое развитие»³.

Мораль очеловечивает политику, поскольку служит условием коллективно-ответственных решений общественных и политических проблем во благо всего общества, а не только и главным образом политической элиты. Речь идет о демократизации самой государственной системы, а значит, о решении проблем обогащения всего общества, повышения его свободы и социального прогресса, правовой и гражданской ответственности каждого индивида. Об этом, кстати, пишет видный политолог Германии А. Бергштрессер, отмечая, что политика может рассчитывать на духовную и моральную поддержку только в том случае, если неуклонно будет преследовать цель, состоящую в содействии личной

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.23. С.47.

¹ См.: Гельвеций К. Об уме. М., 1938. С.94.

² Конт О. Общий обзор позитивизма // "Родоначальники позитивизма", Вып.5. СПб., 1913. С.113.

³ Конт О. Там же. С.10.

и политической свободе, экономической и социальной независимости современного общества⁴.

Политика, пронизываемая моральной нормативностью и требовательностью, становится более гуманной, использующей мирные и договорные средства в решении проблем власти, общественно-политической организации общества, реализации форм собственности, производства, экономики, распределения доходов, социального обеспечения и защиты всех слоев общества. Иными словами, она становится моральной и социальной, реализуется во имя и благо всего народа, общества в целом, она демократизируется и цивилизуется.

Моральная политика предполагает не только социализацию, обобществление, но и переход к правовым, законодательным основам решения общественных и гражданских дел. Путем внедрения в политику категорий «права человека», «справедливость», «свобода личности» и др., а главное её реализации на основе права и законов, появляется возможность формирования гражданского общества и правовой государственности, построения цивилизованного общества, наиболее полно воплощающего в себе принципы самоидентификации и самооценки человеческой личности, гармонии личных и общественных интересов, согласования идеалов свободы, равенства и справедливости.

Создание государственно-правовых норм регулирования взаимоотношений людей обусловило новые предпосылки для повышения и реализации социокультурной эффективности цивилизованности. Если учитывать, что высшая норма, мера цивилизованности – жизнотворчество, человекотворчество взаимное сотрудничество и ответственность, то право как законосообразная норма регламентации взаимоотношений людей призвано способствовать реализации этой цели. Взаимность – имманентный признак социального обмена, социальности, когда никто не может получать нечто от других, ничего не давая взамен. В правовых формах изменения и реализации основ жизнедеятельности людей, политического устройства общества, а не в политике классового или корпоративного диктата заключается решение проблем установления справедливой и ответственной системы организации общества, её общенародного собственно социального и демократического характера. А

⁴ См.: Bergschtrasser A. Politik und Moral. Zur kritik der politischen Ethik in westdeutschland. Berlin. Dietz Verlag. 1970. S.56.

это, пожалуй, наиболее полное приближение к идеалу должного, цивилизованности как высшей мере развития индивидов и общества.

Разговор о *взаимосвязи и степени адекватности цивилизованности и права* – острейшая современная проблема условий гуманизации и демократизации социально-политического устройства общества. Цивилизационный подход к характеристике права в последнее время в нашем обществоведении становится определяющим и направлен не на выделение права из неких заданных ценностей – этических, религиозно-этических и мировоззренческой систем, а на нахождение его основ, корней в самой природе реальной жизни людей¹.

Такое выяснение естественно-исторических основ порождения права предполагает рассмотрение его места и роли в реальной жизни людей. Нас в решении этого вопроса интересует более конкретная проблема: как и почему право содействует цивилизованности людей, общества. То есть для нас важно выяснение не столько его общецивилизационного значения, сколько его регулятивно-гуманистической роли в жизни и развитии людей, их равноправной самореализации. Подход к анализу и измерению этих ролей с позиций цивилизованности прямо нацеливает на показ человеческого значения права, ибо оно и цивилизованность являются *нормативно сопоставимыми* не только по цели сохранения, реализации и развития человеческого в человеке как высшей ценности. Цивилизованность – это неременная закономерность реализации данной ценности. Нарушение или исчезновение её знаменует переход на уровень варварства, утраты человеческого облика.

Право также призвано охранять человеческий род от разрушения и варварства, но уже не только и не столько через социально-психологические формы, как, например, мораль, а объективные законосообразные требования, несоблюдение которых преследуется силой закона, лишением свободы и т.д. «Свобода, – замечал Ф.В. Шеллинг, – должна быть гарантирована порядком, столь же явным и неизменным как закон природы»¹. «Над первой природой должна быть как бы воздвигнута вторая, и высшая, в которой господствует... закон, необходимый для свободы. Неуклонно и со столь же железной необходимостью... в этой второй природе за посягательством на свободу другого мгновенно должно возникать препятствие эгоистическому влечению. Таким описанным здесь законом... является правовой закон, вторая же природа, в

¹ Алексеев С.С. Философия права. М., 1999. С.10.

¹ Шеллинг Ф.В. Система трансцендентного идеализма//Соч: В 2 т. М., 1987. Т.1. С.455.

которой этот закон господствует, – правовой строй...»². Право является наиболее сильным и адекватным средством цивилизованности, поскольку оно есть и добровольное, и обязательное общезначимое средство её реализации. За правовой нормой и формой реализации цивилизованности или социально-гуманистической созидательности и ответственности людей, стран, народов, общества стоит такой особый орган регуляции и организации их жизнедеятельности, как государство.

Поскольку мы рассматриваем право в аспекте его значения для цивилизованности, то это избавляет нас от детального рассмотрения его трактовок разными авторами. Главное в аспекте его цивилизованности – выяснение *регулятивно-гуманистической функции*. Определение этой функции предполагает предварительную характеристику права, а поскольку его природа лежит в самой человеческой жизнедеятельности и вытекает из необходимости властного регулирования взаимоотношений людей, то мы согласны с В.И. Леушиным, по мнению которого, «право – это обусловленная природой человека и общества и выражающая свободу личности система регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения»³.

Право – это нормативная форма разрешения-ограничения многообразных жизненных проявлений людей, вытекающая из требований человеческой жизни, но оформляемая в понятийной законосообразной всеобязывающей семантике как инструменте государственной деятельности. Право производно от требований совместной жизни людей и от государства как органа его формирования и реализации. Отсюда и главные признаки права: его жизнегуманистическая ориентированность, законосообразная понятийная форма согласованной нормативности (границ дозволения), государственно-организационная обеспеченность. Последние два признака делают право социально-материальной силой регулирования общественных отношений людей. В плане выделения признаков права нас несколько озадачило выделение таких его признаков, как «1) государственно-волевой характер; 2)

² Там же. С.447.

³ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1996. С.29.

нормативность; 3) властно-регулятивная природа»¹. В этой характеристике первый и третий признаки почти идентичны и выражают природу и назначение права, обусловленные только государственной деятельностью. Выделение полной производности права от государства и служения его инструментом властеотношений с обществом, на наш взгляд, абсолютизирует роль всей государственно-правовой системы. В то же время следует согласиться, что «органы государственно-правового опосредования являют собой особый тип субъектов, представляющих волю индивидуальных и коллективных субъектов в осуществлении их интересов, но не имеющих при этом своих собственных, частных интересов и мотиваций, кроме "официальных", функционально им предписанных»².

Не обсуждая особый и сложный вопрос о соотношении морали и права, все-таки заметим, что именно последний, выделенный нами, признак права существенно отличает его значение от роли морали в обществе. Оно связано с психикой, сознанием людей, его осваивающих, но главным образом с такой организационной формой, как государство, которое делегирует праву властные полномочия в силу применения репрессивных средств воздействия на людей, нарушающих право других. Государство реализует право как норму регулирования взаимоотношений людей, или законодательно организационное средство, обладающее силой обязательности, идентичной физическому воздействию и наказанию. Идеальным состоянием во взаимоотношениях государства и права является правовое государство.

Регулятивная эффективность права, закрепляемая и поддерживаемая государственной властью, представляет собой соединение определенной договорной идеи, основанной на согласовании мнений людей, с одной стороны, и материальной основы реализации этой идеи в форме приращков власти государства, одним из которых выступает его судебнопениitenciарная система, с другой. Огосударствление права придает ему властно-регулятивный характер, раскрывает специфику социального назначения как особого государственного регулятора общественных отношений, механизма управления обществом. Право, хотя и возникает из требований совместной жизни людей как норма регулирования их

¹ Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2000. С. 137.

² Малинова И. П. Право как общественное опосредование субъект-субъектных отношений // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Екатеринбург. 2000. С. 248.

общественных отношений, но не сливается с этими отношениями, а выступает как бы надстраивающейся над ними формой.

Право несет в себе *формализованные общезначимые требования равенства, всеобщности, свободы*, которые регулируют границы межиндивидуального взаимодействия людей, а также конкретные условия их жизнедеятельности, создания, получения и потребления общественных благ. Право – это абстракция, конкретизирующаяся в средстве его реализации. Поэтому оно существует в определенном сочетании со средствами своей реализации например, как «право на труд», «право на образование», «право избирать и быть избранным» и т.д. Эти права можно представить как свободу равноправия в реализации определенного требования. Если я имею право на что-то, то я имею свободу располагать этим что-то. Если мое право нарушается, то это обозначает переход через грань моей свободы к несвободе. Вместе с тем право предполагает ограничение свободы требований, поскольку оно есть норма не только разрешения получения должного, но и ограничения этого получения, выражающего обязанность и ответственность перед другим. Это находит свое выражение в формуле правового идеала: *«Освобождение через подчинение обязанности (норме, закон)»*.

Право как нормативное требование представляет собой необходимость предоставления условий деятельностной свободы и свободного саморазвития каждому человеку и в то же время обязанность его в повышении самоотдачи для развития общего целого – группы, общества. Обеспечение условий более полного сочетания индивидуального и социального, материального и духовного в жизнедеятельности и развитии каждого индивида, общества в целом – такова цель и функция права, которое есть не только равноправная деятельностная свобода, но и взаимоограничение как источник взаиморазвития. Во всем этом и состоит родственность права с цивилизованностью, как мерой его социокультурной реализации.

Реализация права в аспекте цивилизованности не всегда бывает идеальной в условиях конкретной действительности, в которой ни право, ни государство не реализуются идеально-должным образом. *"Отношение формального равенства субъектов социального взаимодействия не идентично той норме поведения, которой субъекты в рамках такого отношения должны руководствоваться в своих поступках. Мера и форма свободы их действий не дублируются мерой и формой обязанностей и*

ответственности тех же самых субъектов, хотя абсолютно предполагаются такой свободой, служат её необходимым коррелятом"¹.

Связь с жизненной реальностью конкретизирует состояние и действие правовых требований и обязанностей людей, деятельности и политики государства, которую реализуют живые индивиды. Они могут ошибаться или намеренно исказить право при его реализации и защите. Следует учитывать, что государственно-правовая система представляет собой социально-политический строй общества, обладающий способностью самосохранения, наследования и регенерации отдельных форм, независимо от требований жизни данного общества. Это – относительная независимость и самостоятельность, ибо весь этот строй есть инструмент реализации интересов и потребностей людей, определенных социальных сил. Государство как особый орган властвования в обществе, управления им является предметом борьбы различных социальных, экономических сил и политических партий, обслуживающих их интересы. Поэтому государственные формы властвования, политики, призванные строиться на праве и правосознании людей, не всегда совпадают с общим требованием права, а именно: равноправной и справедливой реализацией условий жизни и обязанностей всех граждан данного общества. Государство в своей политике может расходиться и часто расходится с правом каждого и всех, что существенно отражается на цивилизованности его граждан.

В частности, европейская история свидетельствует, что государство прошло периоды классовости, реализации прав определенных привилегированных групп, классов, господствующих в экономике и политике. Обратной стороной классовой привилегированности в эти периоды выступало бесправие непривилегированных классов. Бесправие последних было результатом прав, но не обязанностей представителей господствующих классов. Ясно, что отчуждение от человеческих прав на нормальное воспроизводство и развитие большей части общества, создававшей своим трудом материальные ценности данного общества, не могло нести ему повышения цивилизованности каждого и всех.

Чтобы право стало носителем и признаком действительной цивилизованности каждого и всех необходимо было снять с государственно-правовой системы классовый характер, сделать её демократической, соответствующей власти всего народа в обществе. Такая государственно-правовая система была выработана и внедрялась уже в Древней Греции.

¹ Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. №7. С.6.

Но здесь она еще не соответствовала полностью своему предназначению равноправия и народовластия. В эпоху капитализма демократия становится целью и средством регулирования всех сфер жизнедеятельности общества. Однако равноправного права каждого и всех на достойную жизнь и самореализацию она так и не дает, потому что право частной собственности на средства производства и жизненные блага выступает исходным и ведущим принципом организации этого общества. Демократия хотя и предоставляет равные права и свободы гражданам данного общества, но реализация этих прав во многом зависит не от прав самих людей, а от права собственности и её действительной власти в лице акторов, могущих купить голоса граждан, за счет капитала быть избранным во властные государственные органы.

Люди реализуют право, и они же его нарушают. Мир права не оборудован под воцарение в нем социальной справедливости. Он строится как совокупность горизонтальных симметричных отношений между участниками универсального процесса социального взаимодействия. В этом мире нет сторон сильных и сторон слабых, а есть стороны автономных субъектов, связанных друг с другом равенством в свободе, соразмерными полномочиями и обязанностями. Поэтому утопично ожидать даже от полнейшего воплощения права в жизнь общества социальной справедливости. Отсюда определенная ущербность упования на право с позиций цивилизованности. Человек и при наличии прав и свобод остается их заложником, поскольку они по сути своей выступают формализованными средствами демонстрации равных прав. Построение правового государства – это предпосылка для реализации действительной цивилизованности будущего человека и общества. Цивилизованность как таковая требует наряду с законосообразными формами властного регулирования взаимоотношений людей, более полной реализации *нравственно-этических форм саморегуляции*.

С другой стороны, жесткий государственный контроль, предполагающий право как всеобщее благо и инструмент реализации демократии может способствовать утверждению социальной справедливости через преимущественную реализацию интересов общества. Следует учитывать, что когда речь идет о практической реализации прав и обязанностей каждого и всех, то нельзя упускать из виду решающую роль государства в этом процессе как хранителя и вершителя права. Более того, право государства в определенные периоды времени может быть выше права личности. Государство – тот же корабль,

и на крутых поворотах истории оно может нарушать права граждан, идти ради общественных интересов на несправедливость, жертвы и даже насилие. Оценивая его правовые или неправовые действия, необходимо отрешиться от соблюдения или несоблюдения интересов отдельных личностей и смотреть – служит ли оно интересам общества, всеобщему благу. Но и здесь важно, чтобы право государства измерялось мерой цивилизованности, гуманистической ответственности.

В истории можно найти примеры, когда государственно-правовая система использовала нецивилизованные средства для реализации интересов общества. Наглядный пример – государство фашистской Германии, которое, прикрываясь идеей общего блага, проводило, в конечном счете, варварскую неправовую политику. Провозглашая целью этнически однородное общество, в котором все станут друг другу братьями, нацистское государство обещало реализовать эту цель, процветание народа за счет расправы над теми, кого можно объявить причиной возникающих в обществе проблем и лишений – инородцев, другие незлитарные нации и т.д. Не право, а идеология выступает инструментом политики такого государства, постановки задач и использования варварских методов их реализации, нарушения баланса между индивидом и обществом, между желаемым и должным.

Право есть норма взаимоотношений государства и общества, ограничения произвола, с одной стороны, самого государства как органа публичной власти, а с другой – отдельных граждан или их объединений, чему должны служить правоохранительные государственные органы. Правовое государство и гражданское общество призваны взаимодействовать и взаиморазвиваться как единое целое на основе совершенствования и укрепления правовой и вместе с тем морально-этической демократии.

Цивилизованное разрешение противоречий между людьми и обществом, ими и государством заключается в нахождении *правильной пропорции в сочетании свободы и ответственности*. Эту пропорцию нельзя реализовать только посредством права, диктатуры закона, государственного властного принуждения. Невозможно мысли и действия людей ограничить рамками правовых норм, постоянно держать их в этих рамках. В результате действия такого регулирования можно получить и иметь урезанную свободу и трусливую ответственность, которые вне правового надзора могут превращаться в совсем иное – анархию и безответственность. Поэтому «террор» правовой регламентации всех форм

жизни людей, общества есть демонстрация антидемократии и антикультуры. Подлинная демократия должна основываться на праве и правосознании людей и на таких культурных формах её реализации, как мораль и нравственность. Только в этом случае возникает возможность самим гражданам решать проблемы общества и государства, причем, посредством не только реализации своих прав и свобод, а и своего морального долга и своих нравственных побуждений.

Цивилизованность создает пространство для свободного самоопределения личности в области своей собственной идентичности.

В.П. КЛИМОВ, Г.П. КЛИМОВА

г. Екатеринбург

Б. ДЗИЕМИДОК

г. Гданьск, Польша

КУЛЬТУРНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Экономические, информационные (медиакоммуникативные), технологические и культурные диффузии социального развития определяют глобализацию как неизбежный и очевидный факт. Сегодня он является как источником романтических надежд, социального оптимизма, так и предчувствия грядущих опасностей и угроз, в частности, реальной потери национальных идентичности и этнокультур.

Можно выделить три группы вопросов, связанных с последствиями глобализации: о судьбе национальных культур, об этническом тождестве, а также о роли традиционного искусства и новейших средств медиакоммуникативной культуры в формировании национальной и коллективной идентичности.

Возникающие проблемы можно представить следующим образом:

1. Национальная культура стала реликтом прошлого, и будет заменена либо гомогенной глобальной культурой или местными (региональными) этнокультурами;

2. Результатами глобализации культуры могут стать: а) унификация и гомогенность культур, ведущие к одной тотальной; б) доминирование одной модели культуры (например, американской) над другими; в) универсальное смешивание культур, их гибридность и метисизация (креолизация); д) плюралистическое существование национальных и местных культур и параллельное появление межнациональных культур (европейской, латиноамериканской, африканской, азиатской и т.д.).